

И. С. КОЗЫРЕВ,
Орловский пединститут

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНЫХ СОСТАВОВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Как известно, словарные составы русского и белорусского языков начали формироваться на базе древнерусской лексики, поэтому представляет интерес проследить судьбу исходного материала в них, а также уяснить другие источники пополнения их словарей, что даст возможность установить различия и общность в их развитии, причины того и другого, помогающие более объективно вскрыть пути и закономерности развития каждого из языков, их специфику.

В данной статье наше внимание привлекает один лексико-семантический ряд, члены которого обозначают малолетних, мальчика или девочку в раннем возрасте до отрочества.

В древнерусском письменном языке в интересующей лексико-семантический ряд входили слова *детя*, *детьць*, *детьць*, *чадо*, *чадъ*, *робя*, *рожение*, *младеничиць*, *младеничь*, *младениць*, *младеньць*, *породъ*, *младя*, *отродъ*, *отрокъ*, *отроча*, *отрочище*, *отроковица*² и др.

¹ Графика по техническим причинам упрощается.

² Свидетельства об употреблении этих слов в древнерусском письменном языке имеются в «Материалах для словаря древнерусского языка» (т. I—III, СПб., 1893—1903) И. И. Срезневского (далее: Срезневский, т., стб. ...) и Картоотеке Словаря древнерусского и старорусского языка АН СССР (далее: ДРС); сокращения, принятые в картоотеке не раскрываются; см.: К. И. Ходова. Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника «Житие Нифонта» в русском списке 1219 г. Канд. дисс. (машинопись). М., 1951, стр. 148—149.

Ни в один из периодов существования древнерусского письменного языка все названные слова не входили одновременно в лексико-семантический ряд, его состав постоянно колебался. Указанный лексико-семантический ряд имел ублеты и некоторое семантическое и стилистическое расщепление, привнесенное в него в первую очередь книжными гарославянскими словами.

В современном русском и белорусском литературном языках также имеются соответствующие лексико-семантические ряды, но менее многочисленные по своему составу более дифференцированные семантически: русск.—*ребенок* (*ребята*), *дитя* (*дети*), *мальчик*, *девочка*, *младенец*, *малыш*, *отрок* (уст.), *отроковица* (уст.) и др.; блр.—*дзіця дитя*», *дзіцяня* «ребенок», «младенец», *дзячынка* «девочка», *дзеучынка* «девочка», «девчурка», *хлопчык* «мальчик», *малыш*» и др.

Сопоставление приведенных лексико-семантических рядов русского и белорусского языков между собой и с древнерусским показывает, что в их составе и семантико-стилистической структуре имеются значительные различия: в русском и белорусском языках не привились древнерусские слова *дѣтъць*, *дѣтъць*, *чадъ*, *робя*, *рожгение*, *младеничь*, *младеничищъ*, *младищъ*, *младя*, *породъ*, *отродъ*, *отроча*, *оточище*, да и, пожалуй, *чадо*, хотя в русском языке в фольклоре и в некоторых стилизованных произведениях художественной литературы оно встречается в XIX-XX вв.; в белорусском языке не усвоены и слова *младенец*, *отрокъ*, *отроковица*; новообразованиями явились в русском языке *мальчик*, *ребенок*, *девочка*, *малыш* и др.: в белорусском языке — *дзіцяня*, *хлопчык*, *дзячынка*, *дзеучынка*, *малыш* и др.; в русском и белорусском языках стало возможно казывать и на половые различия, правда, это не стало ведущим в лексико-семантическом ряду; в русском языке обозначилось стилистическое расщепление ряда, чего почти не находим в белорусском языке.

Слова *ребенок*, *девочка*, *дзіцяня*, *дзячынка*, *дзеучынка* развились непосредственно на базе древнерусского языка ср. древнерусские слова *робя*, *дева*, *детя*).

Далее остановимся на истории некоторых членов лексико-семантических рядов, дифференцирующих словарные составы русского и белорусского языков.

Как отмечалось выше, новообразованием только в рус-

ском языке является слово *ребенок*, новообразованием в том смысле, что древнерусское слово *робя* распространилось суффиксом и испытало регрессивную ассимиляцию гласных в основе. Отмеченные изменения происходят в старорусском языке. Приведем несколько подтверждающих это примеров. «А Левонтею Кузмичю пожаловати, либо каковъ грехъ станется, кто *ребятенокъ* останется не покинути» (Отписка смоленских жителей служилым смолянам 1609 г./.³; в некоторых других смоленских памятниках письменности начала XVII в. ещё не наблюдается замены корневого гласного: «и девок и *ребятъ*»;⁴ «да 4 *робятъ*».⁵ На сохранение о в смоленских памятниках письменности может быть влиял белорусский язык с твердым р. Даже в смоленских рукописях середины XIX в. находим написание *робята*: «Во время святок *робята* устроили домашний спектакль».⁶ В середине XVII в. уже обычна замена звука о звуком е: «учил *ребят* ходить по канату» (из док. 1638 г.)⁷, «маленький *ребенокъ*» (Статейный список Арсения Суханова 1649—1651 гг. — ДРС).

Слово *ребенок* в современном русском литературном языке имеет широкое распространение, оно почти вытеснило синоним *дитя*.

В белорусском литературном языке древнерусское слово *робя* не получило развития, а в нем стало культивироваться слово *дитя*, которое дало производное *дз¹цяня* по отработанной словообразовательной модели (ср.: *кацяня* «котенок», *медзвездзяня* «медвежонок» и т. п.), но в старобелорусском языке слово *робята*, по-видимому, было. Так, в старобелорусском памятнике XVII в. отмечается прилагательное *робячий* «детский». В белорусском фольклоре и говорах отмечается и слово *рабёнак*: «Забяры ж свайго Да рабёначка з сабою».⁹

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. II, СПб., 1841, стр. 421.

⁴ Памятники обороны Смоленска, 1609—1611 гг. Под ред. Ю. В. Готье, М., 1912, стр. 238.

⁵ Указ. соч., стр. 238.

⁶ Алмазов. Моя жизнь. Рукопись Б-ки им. В. И. Ленина, шифр. ф. 175 муз. собр. № 7212, л. 456.

⁷ Акты Московского государства, изданные Академией наук. Под ред. Н. А. Попова, т. II, (1635—1659 гг.), Пб. 1894, стр. 101.

⁸ Александрия. Минск, Выд-ва АН БССР, 1962, стр. 557.

⁹ Беларускі эпас. Пад. рэд. ак. АН БССР П. Ф. Глебкі (и др.). Минск, Выд-ва АН БССР, 1959, стр. 260.

В старорусском языке появилось слово *мальчик*: «...простилъ духъ святой *малчека* двунатцати летъ» (Новг. II лет., стр. 93), «...прижи/л/ де о/н/ у яку/т/цко/и/ жо/н/ки ма/л/чика и то/т ма/л/чикъ не креще/н/» Якут. акты, к. з. № 17, 1641 г. — ДРС/; «*Мальчикъ* работницынъ 2 годовъ» (Яросл. писц. кн. XVII в. — ДРС).

Образование слова *мальчик* связано с образованием слова *малец*, которое свойственно русскому просторечию. В белорусском литературном языке слова *малец* нет, а оно отмечается лишь в северо-восточных диалектах.¹⁰ Это слово отмечается в старосмоленских, в старопсковских и старон Новгородских памятниках письменности: «...человек, да жонка, да два *малца*»;¹¹ «... мой *малецъ* Пантелейко (Пск. акты, 1631 г. — ДРС); «...два *ма/л/цы* в монастыри» (Кн. прих. — расх. Ант. М., № 1, 1587 г. — ДРС):

По нашим сведениям, в XIX—XX вв. слово *малец* отмечается в новгородских, псковских, иркутских, смоленских, Брянских, калужских, орловских и курских говорах.

Данные русских и белорусских говоров, а также некоторые исторические сведения указывают на довольно большой языковой массив, в котором получало активизацию слово *малец* и на связь белорусских говоров с севернорусскими.

В старобелорусском языке рано начали уживаться под влиянием польского языка слова *хлопец*, *хлопя* со значениями «слуга», «мальчик»: ¹² «...*хлопца* моего Мошека» (Минские акты 1582—1590 гг.).¹³ Слова *хлопец*, *хлопчык* закрепились в современном белорусском литературном языке.

Слово *хлопец* находило некоторое отражение и в старорусских памятниках письменности, но в XVI—XVII вв. преимущественно в актах, относящихся к западным странам, как-то связанным с Литовско-Русским государством: «...а с левую руку короля стояли князь Нилжь да *хлопць*

¹⁰ См.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., «Наука», 1964, стр. 55.

¹¹ Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912, стр. 174.

¹² См.: А. К. Антонович. Язык судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566—1567 гг. Канд. дисс., (машинопись.) Вильнюс, 1961, стр. 496.

¹³ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 36, Вильна, 1912, стр. 2.

съ мечемъ» (Швед. д. 1569 г., стр. 130.—ДРС); «...да с ними хлопец немчинъ». (Отп. царю Смоленского воеводы 1696 г.).¹⁴ В переводах с польского также обычно употребление слова *хлопец*. Так, например, при переводе польской повести XVII в. слово *paczole* (мальчик-слуга, подросток) передается следующими словами и словосочетаниями: *хлопец*, *хлопец младый* (перевод У), *малец* (перевод С), *младый отрок* (перевод Р) и др.;¹⁵ слово *chłopiec* (мальчик, ребенок) переводится словами *младенец* (перевод Р, У), *малый* (перевод П¹), *отроча* (перевод П,² Л), *хлопец* (перевод С).¹⁶ Употребление слов *малец*, *хлопец*, *младенец*, *малый*, *отроча*, свидетельствует об их вхождении в один лексико-семантический ряд.

Русский и белорусский языки дифференцировались в обозначении ребенка женского пола: русск. *девочка*,¹⁷ блр. *дзячунька* (*дзеучинька*). Отмеченное размежевание вызвано спецификой образования уменьшительно-ласкательных форм в каждом из языков, рассмотрение чего в данной статье опускается.

Некоторые общие названия возникали и в обособившихся русском и белорусском языках на базе древнерусского фонда (например: русск. и блр. *малыш*, русск. *приёмш*, блр. *прыёмш* и др.)¹⁸.

Сопоставление лексико-семантических рядов, члены которых обозначают малолетних, мальчика или девочку в раннем возрасте до отрочества, и сравнительно-исторический анализ некоторых их компонентов позволяют сделать несколько частных и общих предварительных выводов.

За исторический период развития рассматриваемый лек-

¹⁴ Акты исторические..., т. II, стр. 45.

¹⁵ См. Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка II половины XVII в. (по материалам переводных и других памятников «среднего стиля»), ч. II. Канд. дисс. (машинопись). Л., 1961 (Приложение. Словарь соответствий. Раздел польско-русский).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Слово *девочка* появилось в старорусском языке: «Дали въ приданные паропка да девочку» (Дух. Ос. Окинф. 1495 г. — Срезневский т. I, стр. 781).

¹⁸ Ср. образования *примачек*, *примник* в старорусском языке начала XV в.: «И мы собе приняли *примачка* за детяти место» (Грамота Киприана 1404 г. — РИБ, т. VI, 1908. Сбб., стр. 242), «А в той главизне законченной писано есть, яко «*примник* наследует отца и мать... аще и родныи дети будут у них, и тот ровен с детьми родными» (Там же, стр. 243).

сико-семантический ряд в белорусском и русском языках претерпел существенные изменения по сравнению с древнерусским языком. Основная тенденция развития ряда в русском и белорусском языках сводилась к устранению дублетов, что привело к резкому сокращению лексических единиц уже в начальный период формирования указанных языков.

Изучаемый лексико-семантический ряд в русском и белорусском языках формируется самобытно, что приводит к их значительной дифференциации, но не к полному разрыву.

Дифференциация словарных составов этих языков происходит прежде всего вследствие различного отношения их к словарному составу древнерусского языка: в развитии словарного состава русского языка принимает участие сравнительно большее число лексем древнерусского языка, в том числе и сугубо книжных, а также вследствие значительного влияния польского языка на формирование белорусского языка; правда, новообразования, возникающие в белорусском (а также украинском) языке под влиянием польского, обычно не проходят бесследно и для русского. К дифференциации лексико-семантических рядов русского и белорусского языков вели самые разнообразные языковые явления, обособленно протекающие в указанных языках по отношению к отдельным словам.

Некоторая общность лексико-семантических рядов изучаемых языков объясняется сходной судьбой в них отдельных древнерусских слов, образованием новых лексических единиц, нередко даже тождественных, как правило, на базе древнерусской лексики.

Некоторые общие образования возникали в русском и белорусском языках, но не охватывали всей территории того и другого языка, а лишь какие-то части их, что позволяет говорить о существовании русско-белорусских и белорусско-русских языковых зон.
